

ГЛАВА 1. ИЗГНАННИКИ

Если бы кому-нибудь взбрело на ум отведать здешней воды, он несомненно нашел бы, что она горька, имеет внятный тухлый привкус и вдобавок заметно солоновата — не настолько, чтобы ее совсем нельзя было пить, однако вполне достаточно, чтобы напрочь отбить такое желание у любого, кто не издыхает от жажды.

И вид воды тоже не радовал глаз. Вдавлив кружку или котелок в упругий ковер из переплетенных растений, жаждущий мог нацедить порцию бурой от торфяной взвеси жижицы, часто с маслянистой пленкой на поверхности и всегда с полчищами суесящихся крошечных организмов, совершенно безвредных, но вызывающих омерзение даже у не слишком брезгливого человека.

Бредущий по болоту не умер бы от жажды, не имея при себе опреснителя или фильтра с ионообменником, совсем нет. Более того, потребление солоноватой воды не угрожало бы его здоровью по меньшей мере в течение нескольких недель, а что до неприятных ощущений, то это, как водится, дело сугубо личное и мало кому интересное. Равным образом никого и никогда не интересовало, грозило ли бы обезвоживание организма тому, кто проведет на болоте свыше нескольких недель. Не интересовало просто потому, что прожить на болоте так долго — уже из разряда невероятных чудес, требующих столь же невероятного везения, и вода тут совершенно ни при чем.

Легенды были, да. Но не статистика. Ни на Хляби, ни на любой другой планете, освоенной людьми, статистика не оперирует категориями невероятного.

Большой автобус без окон, со значком департамента юстиции на борту низко протянул над плоским берегом, погасил скорость возле вышки энергоизлучателя, убрал антиграв и с коротким скрежетом опустился на щербистую почву. Судя по скучной невыразительности подлета и посадки, управлялся он киберпилотом, давным-давно нащупавшим оптимальную последовательность маневров на данном маршруте и не склонным экспериментировать.

Чмокнув, лопнула дверная мембрана. Подобно дразнящему языку, выдвинулся и лег на щебень трап.

Те, кто вышел из автобуса, четко делились на две категории: люди с оружием и невооруженные. Последние были скованы между собой наручниками в длинную цепочку. Их было десять: семеро мужчин и три женщины, одетых в тюремную униформу — тяжелые башмаки; черные обтягивающие штаны, мешающие чересчур быстрой ходьбе, не говоря уже о беге; черные тюремные робы с большим белым кругом на спине, светящимся и в темноте, однако же не настолько ярко, чтобы помешать прицеливанию.

Одна из женщин всхлипывала. Мужчины угрюмо молчали. Кружилась и лезла в глаза мошкара.

По знаку старшего в команде, немолодого плотного служаки со скромными нашивками лейтенанта и лицом кирпичного цвета, конвойные рассыпались цепью и взяли оружие на изготовку. Пусть у осужденных нет ни малейшего шанса избежать наказания, в деле исполнения приговора случается всякое. Кто-то может вообразить, что умереть, попытавшись убить другого, — легче.

Первым от человечей гирлянды отцепили ничем не примечательного мужчину лет тридцати пяти. Подтолкнув в спину — мимо вышки, к болоту, начинавшемуся шагах в ста, — сообщили сиплой скороговоркой:

— Туда. Пройти двадцать шагов, повернуться, ждать. Марш.

Мужчина потер запястье. Оглянулся через плечо.

— Кордонный невод снят?

— Специально для тебя оставили, — ухмыльнулись сзади. — Пошел, умник. Других задерживаешь.

Мужчина сделал шаг. На втором шаге он по-футбольному пнул носком ботинка кучку мелкого щебня — веером брызнули камешки. В трех шагах впереди они наткнулись на что-то невидимое, взвизгнули и повисли серым облачком. На землю посыпался песок.

— А я думал, что на Хляби смертной казни не существует, — кротко произнес мужчина. — Я ошибался?

— На вышке! — гаркнул служака, задрал к небу кирпичное лицо. Наверху показалось другое лицо, не кирпичное, заспанное. — Спишь? Гауптвахты захотел? Почему не снял кордон?

— Виноват, — отчаянно пискнули сверху. — Э... на болоте замечено движение, господин лейтенант.

— Врешь, как всегда, — кирпичный служака презрительно сплюнул под ноги. — А хоть бы и так — что мне твое движение? Живо снимай кордон. Жду три секунды, о четвертой пожалеешь.

— Готово, господин лейтенант.

— Отставить словоблудие! Как положено рапортовать?

— Кордонный невод снят, господин лейтенант.

Несколько мгновений служака зло сопел, в то время как отделенный от гирлянды мужчина смотрел на него с ироничным сочувствием. Затем осужденный получил тычок промеж лопаток и разом проскочил место, где еще висела пыль от камешков. Из того, что он остался цел, а не был расчленен на тысячу-другую кусочков, можно было заключить, что теперь кордон и вправду временно отключен.

Только для пропуска приговоренных.

— Двадцать шагов вперед. Повернуться, ждать.

Мужчина послушно выполнил требуемое.

Следующей отцепили полную низенькую женщину средних лет. Получив ту же команду, Кубышечка завертела головой на короткой шеенке, будто что-то высматривая, и, видно, не высмотрела, поскольку, округлив и без того круглые от природы глаза, спросила кирпичнолицего:

— А... где космодром?

Лейтенант сделал ленивое движение, отчего голова женщины мигом втянулась в плечи.

— Марш.

— Меня ведь... к изгнанию, — плаксиво проговорила Кубышечка, пятясь от кирпичнолицего мелкими шажками. — К изгнанию только... — она всхлипнула, готовая разрыдаться. — Я ведь не здешняя, я туристка, меня вообще по ошибке... Я думала... космодром...

Еще одно ленивое, но со значением движение лейтенанта — и она пошла, семена коротенькими тумбами ног, часто оглядываясь через плечо с ужасом и надеждой.

С остальными проблем не возникло. С каждым раскованным укорачивалась человеческая цепочка. Каждый получал и безропотно исполнял однообразную команду: пройти двадцать шагов за кордон, повернуться, ждать. Последний, крупный мужчина со стрижкой ежиком, демонстративно сплюнул лейтенанту на ботинок и, против ожидания, не получил в ответ ни порции брани, ни тычка стволом лучемета под ребра. Кирпичнолицый лейтенант, сам чем-то похожий на этого осужденного, лишь благодушно ухмыльнулся:

— Полегчало, Юст? Ну иди, иди, не задерживай людей.

Теперь цепочка выстроилась вновь — в двадцати шагах за незримым барьером, в ста шагах от нечеткой береговой линии. Двое солдат с некоторым усилием выволокли из автобуса большой металлический ящик и, занеся его за барьер, поспешно отступили назад. Глядя вверх, лейтенант буркнул: «Давай», — и лишь через несколько секунд, когда голос солдата с вышки

доложил о восстановлении кордонного невода, лениво наклонился, стер пучком жесткой травы плевки с носка ботинка и небрежным движением швырнул пучок перед собой. Чуть дохнувший ветерок подхватил и понес травяную крошку.

— Так, — негромко произнес тот, кого расковали первым. — Отрезано.

Вряд ли лейтенант его слышал. А если и имел тонкий слух, то обратил на слова осужденного еще меньше внимания, чем на едва слышное гудение кордонного невода.

Оставалось покончить с последней рутинной процедурой.

— Канн Эрвин, — на одном выдохе проорал он в жестяной рупор, — Отлок Мария, Хольмер Джоб, Касада Хайме, Вейденрих Матиас, Дашиева Лейла, Обермайер Ян, Бузенко Валентин, Шульц Анна-Кристина, ван Борг Юст! — Он перевел дух и продолжил: — Именем народа и правительства Хляби за совершенные вами преступления вы приговорены судом к высшей мере наказания, существующей на нашей планете: изгнанию. Приговор вступает в силу в данную минуту.

Кубышечка охнула. Остальные молчали. У одного из осужденных по лицу пробежала короткая судорога. Лейтенант энергично прочистил горло, сплюнул и заговорил вновь:

— Ящик — ваш. Хотя, по мне, нет смысла на вас тратить, но по закону изгнанники должны быть обеспечены необходимым минимумом пищи и снаряжения. У вас десять часов на то, чтобы убраться с материка. Тот, кто останется на берегу свыше этого времени, будет сожжен. За полчаса до срока дадим сирену. Счастливые острова строго на восток, порядка трехсот километров через Саргассово болото. Удачи я вам не желаю. — Он повернулся и зашагал к автобусу.

— Подождите! — с привизгом закричала Кубышечка. — Почему здесь? Изгнание — это же с планеты! Я... я требую доставить меня на космодром!

Лейтенант не обратил на нее никакого внимания. Конвойные солдаты, переставшие держать приговоренных под прицелом после включения кордона, заушмылялись.

— На Хляби власти удовлетворяются изгнанием опасных преступников из социума, — пояснил первый раскованный, — это дешевле и эффективнее.

— Но я должна улететь отсюда!

— Попытайся, — мужчина пожал плечами, — если умешь летать. Кстати, — обратился он ко всем, — нам надо познакомиться. Фамилии и прегрешения перед законом предлагаю опускать. Я Эрвин. Ты, — он скосил глаз в сторону Кубышечки, — Мария. Кто еще хочет назвать себя?

— Завянь, мальчик, — с величавой ленцой проговорил тот, кого расковали последним. — Я — Юст. Кто-нибудь тут меня не знает?

— Юст ван Борг, более известный как Полярный Волк. — Эрвин кивнул, и легкий шорох прошел среди приговоренных. — Как же, слышали. Но я думал, тебя убили, когда брали Пантеру Хабиба.

— Заткни пасть, я сказал. Будешь говорить, когда я разрешу. Твое имя, шкет? — Палец с палладиевым кольцом, украшенным геммой с изображением оскаленной волчьей морды анфас, указал на вертлявого парнишку лет семнадцати.

— Хайме, — с готовностью ответил тот. — Э... Хайме Касада из братства Савла. Счастливи встретиться, Волк!

— Зато я не очень счастлив, — покривил губы Юст, глядя на парнишку насмешливо. — Прежде в братстве Савла таких сопляков не водилось. За что схлопотал вышку?

— За мокрое дело, Волк... Случайное.

— Ну и сдохнешь теперь. Ты? — Палец с кольцом ткнулся в грудь молодого мужчины, низенького и пухлого. Тот вздохнул.

— Валентин Бузенко. Обвинен в шпионаже в пользу Земли... и Лиги. Ложно обвинен.

— И Земли, и Лиги? Важная фигура... — Полярный Волк комически искривил углы рта. — Тоже сдохнешь.

Словно в ответ на его слова болото всхлипнуло. Шагах в двухстах от берега вырос бурый горб, по всколыхнувшейся поверхности болота побежали прочь от него кольцевые неспешные волны. Истошно завизжала Кубышечка. Прорвавшись на вершине, горб осел, зато из разрыва взметнулся в серое небо длинный лиловый язык или, может быть, щупальце — покачался туда-сюда, затем одним быстрым движением обшарил пространство шагов на пятьдесят вокруг себя и с сочным хлюпаньем уполз обратно. Болото успокоилось. Видно было, как понемногу затягивается дыра в растительном ковре.

— Язычник, — пояснил Эрвин.

— Что? Кто? — Истратив на визг запас воздуха, Кубышечка поперхнулась, со всхлипом вдохнула и закашлялась, давясь мошкаррой.

— Язычник. Так зовут эту тварь. Языкастая потому что. Что-то близко от берега. Пари держу, там яма.

— Много их тут? — нервно спросил мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, утирая рукавом залысый череп.

— Хватает. Этот еще маленький.

— Как же мы дойдем до этих... как он назвал? До Счастливых островов?

— Никак, — мрачно отозвался чернявый живчик помоложе. — Передо́хнем по пути. Да и нет никаких Счастливых островов, сказки это.

— Кажется, я велел всем назваться, — негромко обронил Юст.

— Не ты, а он. — Рыжеволосая девушка указала на Эрвина. — Только не велел, а предложил. — Демонстративно повернувшись к Эрвину, она назвала себя: — Анна-Кристина.

— Я буду звать тебя Кристи, — сказал Эрвин.

— Это имеет значение?

— Так короче. На болоте все имеет значение, в особенности лишние четверть секунды.

— Закрой хайло, ты, ублюдок! — Не сводя с Эрвина пристального взгляда, Юст подался вперед. — Будешь делать то, что я скажу, иначе... — Движение желваков должно было показать строптивцу, как с ним может быть «иначе». — Уразумел или помочь?

— Помочь. — Эрвин ухмыльнулся.

Угрожающе оскалившись, Юст двинулся к нему. Волк волком. Шевельнулся и Хайме — с явным намерением зайти со спины. Кое-кто отшагнула назад, не желая вмешиваться.

— Между прочим, — вразумляюще сказал Эрвин, — разборки среди осужденных квалифицируются как попытка помешать исполнению приговора суда. Во всяком случае, до тех пор, пока мы маячим в пределах прямой видимости. Солдаты обязаны вмешаться. Хочешь получить в задницу снотворную капсулу, Юст? Можешь поспать, впереди у тебя еще почти десять часов...

— А потом тебя поджарят, — плотоядно улыбнулась Кристина, мотнув рыжей прядью. — Будет жареная волчатина. А из этого гаденыша, — указала она на Хайме, — жареная крысытина.

Юст Полярный Волк подвигал желваками, но ничего не сказал и отступил на шаг. Конвойные солдаты удобно расположились на граните, с ленивым любопытством наблюдая за приговоренными. Некоторые поднялись на наблюдательную площадку вышки.

— Сейчас для них начнется самое интересное, — вполголоса буркнул Эрвин.

— А что? — спросила Кристина.

— Будем делить снаряжение.

Круто повернувшись, Эрвин направился к металлическому ящику. Было очевидно, что свою долю он не уступит никому, даже Юсту, и лишь во избежание свары хочет оказаться у ящика первым.

ГЛАВА 2. БЕРЕГ

Избежать свары все-таки не удалось. До поножовщины не дошло, и то ладно. Хотя среди того, чем департамент юстиции пожелал снабдить осужденных, ножи как раз имелись — десять дешевых изделий охотничьего образца в ножнах со шнурками для ношения на шее. Кроме того, ящик скрывал в себе десять легких рюкзачков, трехдневный запас пищевых брикетов в расчете на десятерых, стометровый моток прочной веревки, два топорика на пластмассовых рукоятках, десять пластмассовых же мисок, десять «вечных» зажигалок, два фонарика и компас.

Один захваченный нож Эрвин тут же сунул Кристине, другим взрезал штаны по швам на внутренней стороне бедер. Когда он покончил с этим делом, к ящику было уже не протолкаться: каждый спешил урвать как можно больше. Семь человек сопели, ругались, визжали, пытались отшвырнуть друг друга. Восьмой, громадный костлявый старик с пышной седой гривой, стоял в сторонке, глядя на копошащуюся человеческую кучу со снисходительным сочувствием.

— А ты, дед, что же? — спросил его Эрвин.

— Сильные отнимут у слабых, — отозвался тот густым звучным голосом. — Затем сильнейшие отнимут у сильных. Так хочет Господь, так тому и быть вовеки.

Эрвин улыбнулся углом рта.

— Где-то я это уже слышал. Не в церкви ли Господа Вездесущего? Миссионер с Осанны, надо полагать? За проповеди и загремел, паства заложила? Что ж не продолжаешь? Насчет того, что впоследствии хитрейшие отнимут у сильнейших, и это также угодно Богу?

— Господь Вездесущий пребывает повсюду, — был ответ. — Нет в мире ни былинки, ни частицы вне Господа нашего, ни толики малой. Ни мысли, ни поступка, ни шевеления бесцельного, ни дрожи на холоде, ни пота в жару. Бог в каждом человеке во веки веков, аминь.

— И поэтому любой поступок человека угоден Богу, следовательно, оправдан? — с иронией спросил Эрвин.

Глаза старца гневно вспыхнули.

— Богомерзкая ересь сочится из уст твоих! Любой поступок человека и есть поступок Бога!

— В том числе приговор суда?

— Господь посылает мне испытание, — с неколебимой твердостью ответил старик. — Он же пошлет мне спасение ради несения света истины заблудшим душам, погрязшим в неверии и ереси!

— Ты Ян Обермайер по кличке Скелет, — сказал Эрвин. — Я слышал о тебе. Зря ты заявился на Хлябь, у нас твоя секта под запретом. Или не знал?

— Господь знает, куда посылать своих чад, — Старик величаво отвернулся и стал смотреть на болото.

Тем временем схватка за снаряжение подошла к закономерному концу. Над металлическим ящиком, ухмыляясь, возвышался Юст Полярный Волк, и топорик в его руке грозил всякому, кто дерзнет приблизиться. Ближе других к Волку и тоже демонстрируя неудачникам глумливую ухмылку, замер в хищной позе Хайме Касада. Совершать без приказа пахана лишние движения он не дерзал, ограничившись перебрасыванием ножа из руки в руку — небрежно и не глядя.

Продолжала всхлипывать Кубышечка.

— Зря, Юст, — сказал Эрвин. — Тебе такой вес по болоту не снести, да и ему, — лезвием ножа он указал на Хайме, — тоже.

Юст будто не слышал его. И демонстративно не замечал.

— Вы! — выдохнул он, обращаясь к остальным, и начал цедить медленные слова — словно тянучку жевал: — В первый раз вижу столько слабаков. Саргассово болото сожрет вас в один прием и не заметит. Поэтому тот, кто хочет живым добраться до Счастливых островов, будет слушать меня. Я знаю, как вести себя на болоте, а вы — нет. Поняли? Беспрекословно выполнять все, что я скажу. Тогда, может быть, вы останетесь живы. Кто не хочет, пусть убирается. Есть такие?

— Я желаю убраться, — сказал Эрвин. — И она. — Он указал на Кристину и на этот раз заслужил беглый взгляд Полярного Волка.

— Разве я против? Убирайтесь.

— Сперва мы получим свою долю.

— Ну так иди и возьми! — ухмыльнулся Юст.

Эрвин успел сделать лишь один шаг, прежде чем на него кинулся уловивший движение брови Юста Хайме. Легко уклонившись от ножа, Эрвин ударил мальчишку по шее и не дал ему разбить голову о гранит. Со стороны это выглядело так, будто один споткнулся, а другой неловко поддержал его. Хайме взвыл, когда чужая ступня притиснула его запястье к гранитному щебню, но ножа не выпустил. Голос Эрвина остался ровным:

— Не лучше ли тебе поделиться с нами, Юст?

Одно мгновение Полярный Волк колебался — метнуть в Эрвина топорик или уступить? По всему было видно, что он не из тех, кто уступает. Но видно было и то, что он оценил квалификацию невзрачного с виду противника: не диво сбить с ног сопляка, труднее догадаться раньше дележа взрезать

швы на обтягивающих тюремных штанах, что сковывают движения не хуже кандалов. Он, Юст, не догадался... Вдобавок еще двое — чернявый живчик и смуглокожая женщина — отделились от кучки осужденных, легонько наметив заход с тыла.

— Мы тоже хотим получить свое, Волк.

Теперь Юст заговорил без ухмылки:

— Хотите сдохнуть в болоте — дело ваше. Группа может дойти, одиночка — нет.

— Нас двое, — возразил Эрвин, указав на Кристину. — Мы хотим попробовать.

Юст не удостоил его ответом. Хайме дернулся, пытаясь высвободиться, и снова взвыл.

— Мы тоже, — сказал живчик. — Только мы никуда не пойдем, верно, Лейла? Надо быть идиотами, чтобы верить в Счастливые острова.

— Не понимаю, с какой стати нам делиться с самоубийцами? — Юст смачно сплюнул, но наклонился к ящику. Шесть запакованных в пластик пищевых брикетов полетели в сторону одной пары — шесть в сторону другой. — Подавитесь. Болотные твари жирнее будут.

— Это не все, Юст.

Стуча по камням, к ногам Эрвина покатила зажигалка.

— Вторая.

Снова стук по камням.

— Замечательно, Юст. Я бы назначил тебя старшим по блоку. Теперь два рюкзака, две миски и нашу долю веревки. Кристи, подбери.

На глаз, в отрезанном Юстом куске веревки было от силы пятнадцать метров вместо двадцати, но Эрвин не стал спорить.

— Теперь топорик.

— Подавишься.

— Зря, Юст. Заметь, я не требую ни компаса, ни фонарика. Только топорик, и то всего на один час. Потом ты получишь его обратно.

— Я сказал, подавишься!

— Мне кажется, ты боишься. — Эрвин обаятельно улыбнулся. — Всего на один час, Юст. Обещаю.

— Лови!

Умышленный недолет, топорик зазвенел по камням. Прежде чем Хайме успел схватить его и рубануть Эрвина по ноге, оружием завладела Кристи. Юст уже держал наготове второй топорик, но метнуть все же не рискнул.

— Ты добрый человек, Юст...

Лицо Полярного Волка искривила короткая судорога.

— Попадешься ты мне на болоте... Убирайся!

— Сей момент уберусь, — сказал Эрвин, улыбаясь. — Но, видишь ли, мне нужно еще кое-что. Этот ящик. Понятно, когда он опустеет.

Кажется, ему все же удалось привести Полярного Волка в некоторое замешательство.

— На кой он тебе, умник?

— Он большой и без дыр. Когда вспотею, нацежу воды и приму ванну.

Юст колебался. Кое-кто хлопал глазами.

— Купи.

Эрвин показал издали три пищевых брикета.

— Мало. — Губы Полярного Волка тронула усмешка. — Гони все шесть.

— Согласна? — Эрвин посмотрел на Кристи.

— Нет.

— Да, — сказал Эрвин. — Да.

* * *

Огромное кирпично-красное солнце, изнемогая, валилось куда-то за плоский берег, за единственный на планете Хлябь материк по имени Материк, за низкий кусок суши с заболоченным шельфом посреди чуть солоноватого океана. Две луны — одна маленькая, серпиком, другая большая и почти полная — висели в потемневшем небе. Мошкары стало больше. В воздухе посвежело. Ветер дул с берега на болото, унося миазмы.

Болото дышало приливами и отливами. Сейчас был отлив. На обнажившейся литорали грудами лежали водоросли, живые и разлагающиеся. Некоторые лениво шевелились. Мелкие существа суетились в них — не то рачки, не то насекомые. Во множестве появились крылатые твари. Они пикировали и жировали. Жизнь поедала жизнь, хищная плоть проедала себе дорогу в иной плоти, менее хищной.

— Ты уверен, что сделал правильно? — спросила Кристина.

— Ты о еде? — Эрвин повернул голову. — Абсолютно правильно. Лучше сразу перейти на местную пищу, да и груза меньше. Эти брикеты больше чем на неделю не растянешь, а нам в лучшем случае идти недели три. Что с брикетами, что без — шансы равны.

— Ну ладно, компас не нужен, пойдем по солнцу и лунам... А почему ты не выторговал фонарик?

— Компас не нужен еще и потому, что он в этих местах врет. А фонарик — зачем таскать лишнее? Ночи здесь светлые. Кроме того, свет привлекает змей.

— Откуда здесь змеи? — Кристину передернуло.

— Моллюски, — пояснил Эрвин. — Беспозвоночные, вроде голых слизней, только здоровенные и чертовски проворные. Кстати, отнюдь не вегетарианцы. На болоте много всякого зверья... Ты плети, плети! Думаешь, по одной паре мокроступов нам хватит?

— Пальцы устали. — Кристина виновато улыбнулась, помахав кистью.

— Отдохни и продолжай. Вон те кустики на болоте видишь? На них не надейся: прутики ломкие, плести их невозможно. А дальше и кустов не будет. Пока мы здесь, глупо не попользоваться местными ресурсами.

— Сколько еще? — спросила Кристи.

— Чего сколько?

— Сколько осталось до срока?

— Три часа десять минут. Плюс-минус три минуты.

— Откуда ты можешь знать так точно?

— У меня вообще хорошее чувство времени, — пояснил Эрвин. — Мы успеваем. Осталось сделать не так уж много.

— Например придумать, чем крепить эти плетенки к ноге...

— Разрежь на полоски один рюкзачок.

В двухстах шагах от них все так же лежал на брюхе тюремный автобус со значком департамента юстиции на борту. Солдатам давно уже надоело торчать возле невидимого кордона, лишь наблюдатель на вышке, изредка окидывая равнодушным взглядом опостылевшее болото, проявлял какой-то интерес к происходящему на берегу.

Некогда на краю мыса, уступом выдающегося в болото и отсеченного кордоном от материка, росла рощица. Тощие хлыстоватые стволы, сумевшие зацепиться корнями за гранит, служили осужденным на протяжении многих десятилетий, пока роща не расточилась по деревцу, по шестику, по гибкому пруту с верхушки. Разве что совсем глупый не понимал: без оснастки, хотя бы и примитивной, на болото лучше не соваться, ступишь в невидимое «окно» — и нет глупого.

Теперь от рощицы осталось немного. Несколько десятков обреченных топору деревьев из тех, что потолще или потоньше, чем желательно, или вовсе кривых, еще росли в окружении частокола пеньков, покорно дожидаясь своего часа. Большинство пеньков давно почернело от старости, но некоторые выглядели свежими.

Кремнистая древесина сопротивлялась топору со всей яростью: не час, а целых три часа понадобилось Эрвину, чтобы вырубить два кривоватых шеста — себе и Кристине. После этого он в самом деле отдал затупившийся топорик белому от бешенства Юсту.

— Не завидую тем, кого приведут сюда через год, — заметил он, указав на жалкие остатки рощицы.

Осужденные широко разбрелись по берегу. Хныкала Мария-Кубышечка, бесполезно тюкая топориком в неподатливый стволник. Юст командовал. Старик Обермайер бесстрастно подгонял лямки рюкзака. Мрачный Хайме и мужчина лет пятидесяти с внешностью клерка, отзывающийся на имя Джоб, занимались тем же, чем Эрвин: строгаля корявые шести, снимая кору и колючки. Пухлый Валентин озабоченно ходил по болоту в десяти шагах от берега, пробуя, как держит болотный ковер. Без дела сидели, пожалуй, только чернявый живчик по имени Матиас со смуглокожей Лейлой.

— Спорим, он сутенер? — шепотом сказала Кристина, плетя шестой мокроступ.

— Тут и спорить нечего, сам вижу. Дело знакомое: одалиска не рассчитала дозу, клиент не проснулся, версия непредумышленного убийства суд не убедила. Хотя... по нынешним временам их могли взять и не за это.

— Они что, так и будут сидеть тут и ждать луча?

— Ты когда-нибудь слышала о сутенере-самоубийце?.. Нет? Вот и я тоже. Он хочет затаиться и выждать. Может, и в болото пойдет для виду, но обязательно вернется. Воображает, будто кордон завтра снимут. А невод, между прочим, расходует энергию, только когда кого-нибудь режет, — но откуда об этом знать сутенеру?

— От тебя.

Эрвин усмехнулся.

— Он не поверит. Да и кто он мне такой, чтобы его просвещать: отец? брат?

— Человек, — с вызовом сказала Кристи.

— Просто дурак, вообразивший, что он умнее всех. У меня нет времени уговаривать слабоумных.

— А если они обойдут кордон краем болота?

— Их дело. Кордон режет мыс и тянется вдоль самого берега километров на двести-триста в обе стороны. Дальше тоже немногим лучше: следящие датчики, патрули. Проще пойти к Счастливым островам. У берега меньше язычников, зато больше всякого иного зверья. Пойдут эти двое берегом или останутся здесь — в любом случае шансов у них нет.

— А у нас? — ядовито спросила Кристи. — У нас они есть?

— У нас есть шанс, — сказал Эрвин. — Один из тысячи или из миллиона, не знаю. Но есть.

— Ты слышал, что сказал сутенер? — Кристина резко дернула щекой, отчего рыжая прядь упала на глаза. — Нет никаких Счастливых островов, это легенда.

Эрвин размеренно строгал ствол деревца, срезая по одной неподатливые колючки.

— Это не легенда, — сказал он наконец. — Счастливые острова существуют. Понятия не имею, насколько они счастливые, но там их целый архипелаг, это я знал и раньше. А семь часов назад узнал, что до них в принципе можно дойти.

— Как это?

— Я думал, ты заметила, — усмехнулся Эрвин. — Я был крайним в цепочке, меня расковали первым. Случайность? Допустим. Солдат не снял кордонный невод. Тоже случайность? Если бы здесь и впрямь царило такое разгильдяйство, осужденные бежали бы пачками. Однако никто и никогда не слышал об удачном побеге. Следовательно, меня хотели уничтожить наверняка, списав на несчастный случай. А зачем уничтожить того, кого по идее и так убьет болото?

— Ты уверен? — В голосе Кристи насмешка боролась с надеждой. — Не слишком ли сложно?

— Наоборот, очень просто. Взгляни, кстати, на вышку. Куда нацелен лучемер — все еще на меня?

— Точно.

— Я и не сомневался. Значит, нам надо убраться с берега раньше других. Я не хочу никаких случайностей.

Кристина всматривалась в него долго, с новым интересом.

— Ты что, большая шишка? В смысле, был большой шишкой?

Ответа не последовало: уколовшись о колючку, Эрвин сосал палец.

— Ладно, — вздохнула Кристина. — Твое дело. Захочешь — расскажешь. В конце концов, не важно, кем ты там был, важно, что прежде ты бывал на болоте.

Эрвин вынул палец изо рта и сплюнул.

— С чего ты взяла? Я здесь в первый раз, как и ты.

— Шутишь.

— Нисколько. Так что тебе еще не поздно переменить решение.

Без всякого сожаления Кристи покачала головой.

— Поздно. Теперь меня Волк не возьмет.

— Возьмет.

— В качестве рабыни? Или наложницы? Каждый день валяться под ним или его прихвостнем в грязи? Делать то, что он велит, и не вякать?

— Как хочешь. Учти, со мной тебе тоже придется делать то, что я велю.

— Интересно... С какой это стати?

— С той стати, что я лучше тебя знаю Саргассово болото.

— Ты же никогда здесь не был?

Срезав последнюю колючку, Эрвин придирчиво осмотрел трехметровый кривоватый шест, покачал его в руке, еще раз пробуя на вес, и недовольно поморщился: тяжеловат.

— Быть и знать — разные вещи...

* * *

Примерно за час до срока они сидели на камнях и отдыхали. Кристи разминала натруженные пальцы. Багровое солнце давно кануло за горизонт, зашел и серпик меньшей из лун. Вторая луна — начищенная медная тарелка — упрямо карабкалась в зенит. Третьей не было видно. Фигуры людей, деревья, камни, сторожевая вышка отбрасывали четкие тени.

Неподалеку продолжали суетиться люди Юста. Все спешили. Кто-то торопливо доплетал мокроступы. Матиас и Лейла растворились в сумраке. Тюкал топорик — Кубышечка Мария продолжала всхлипывать, не в силах справиться с узловатым, явно непригодным деревом. Никто не пожелал вырубить для нее шест.

— Может, сможешь женщине? — предложила Кристи.

Эрвин отрицательно покачал головой.

— Мне надо отдохнуть...

— Ну тогда я пойду помогу.

— Тебе тоже надо отдохнуть.

— Ты уже начал мне приказывать? — Кристина поднялась на ноги.

— Сядь, — отозвался Эрвин лениво. — Я пока не приказываю, я советую. Избегай бесполезного. Эта женщина, считай, уже мертва. На ее месте я бы не сдвинулся с места. С шестом ли, без шеста ли — она не дойдет и до Гнилой мели. Пользы от нее — ноль. Юст не гонит ее взащей только потому, что надеется подставить... как, впрочем, и остальных. Всех погубит, лишь бы самому дойти. Но ее — первую.

— И ты можешь об этом спокойно рассуждать? Ну вот что... — Кристина тряхнула волосами, и цвет их в сиянии медной лунной тарелки напомнил о темной бронзе. — Она пойдет с нами, понятно? Я без нее не пойду, так и знай.

— Тогда я выберу себе кого-нибудь другого, а вам с Марией придется идти вдвоем, — невозмутимо возразил Эрвин. — Мне ее жаль, но помочь ей я не в силах. Предпочитаю, чтобы в ее смерти был виноват Юст, а не я.

— Знаешь, — Кристина помедлила и все же села, — а ты негодяй.

— Да, мне говорили.

— Почему ты выбрал меня? Тебе нравится рыжий цвет?

— Ненавижу.

— Тогда объясни, на кой черт я тебе сдалась?

— Остальные еще хуже. Притом у тебя ноги кривые.

— У меня-а?!

— Кривые, кривые. Когда человек идет по болоту, он поневоле ставит ноги особым образом. Это отчасти компенсирует кривизну. Я видел, как ты идешь посуху. Душераздирающее зрелище. Хочу, чтобы у меня перед глазами был приятный вид.

Она не задохнулась от злости — сумела смолчать, ничего не выразив на лице. Потом осведомилась с едким сарказмом:

— Стало быть, я пойду первая?

— Да.

— Ты в этом уверен?

— Вполне. Ты пойдешь впереди меня, причем добровольно.

— А если откажусь — пойду одна, так? — Глаза Кристины сузились, лицо окаменело.

— Нет, — возразил Эрвин, — тогда первым пойду я, и я же буду чаще проваливаться, а ты — меня вытаскивать. Я тебе нужен, как и ты мне. Юст сказал истинную правду: один по болоту далеко не уйдет. Будь я легче, а ты сильнее, я пошел бы впереди.

Кристина помолчала, осмысливая.

— У тебя что, заранее все просчитано?

— Только то, что можно просчитать.

— Ну тогда я спокойна, — сказала она насмешливо.

Эрвин не ответил.

— За что хоть ты сюда попал?

— Тебе это обязательно надо знать?

— Хотелось бы.

— Ни за что. И за все.

— Убил, наверно, кого-нибудь? — понимающе усмехнулась Кристина.

— Прямо — никого. — Эрвин пожал плечами. — Косвенно — да, безусловно. Так всегда бывает. Только не спрашивай кого, я не знаю.

— А я убила. — Кристина вызывающе тряхнула копной волос. — Знаешь кого?

— Своего любовника.

— Откуда ты знаешь?

— Нетрудно сообразить. Ты не местная, у тебя акцент уроженки Тверди, прожившей на Хляби несколько месяцев. Следовательно, не туристка. На служащую по контракту не похожа. Стало быть, тебя привез сюда любовник

не из бедных, но не миллиардер. Иначе я о тебе слышал бы. Кто он: член городской управы какой-нибудь? Директор фирмы средней руки?

— Муниципальный инспектор по охране среды, — мрачно сообщила Кристина. — Толстое сопящее дерьмо.

— Дерьмо не сопит.

— Это у вас на Хляби не сопит. А у нас на Тверди есть одно животное...

Она не договорила — в этот момент тянуще завывла сирена.

ГЛАВА 3. ДЕВЯТЬ ЧЕЛОВЕК И ЯЩИК НА ВЕРЕВКЕ

Оглушительный мерзкий звук ударился о гранит, расплескался по болоту. Кристи подбросило. В голос зарыдала Кубышечка. Ян Обермайер, неустрасимый миссионер церкви Господа Вездесущего — и тот, вздрогнув, втянул голову в пугающе костлявые плечи. Джоб зажал уши.

Звук оборвался, и тишина оглушила людей. Стало слышно, как тихонько шумит, словно дышит, болото. Что-то поскрипывало и пощелкивало в водорослевом ковре. Начинаясь прилив.

— Пора, — сказал Эрвин, вставая. — Не забудь свой шест.

Он разделил ножом веревку на две неравные части, конец большего куска обвязал вокруг пояса Кристины, конец меньшего привязал к ручке опустевшего металлического ящика; оба свободных конца обмотал вокруг своего пояса пониже тощего рюкзака и скрепил узлом.

— Ну, двинулись.

Сразу же загрохотало, загремело гулко. Громоздкий легкий ящик изрядно резонировал, скача по камням. Хайме Касада захохотал и выгнулся дугой, изображая приступ буйного веселья. Юст ухмыльнулся и сплюнул вслед:

— Не попадись мне на болоте, умник.

Очень скоро ящик перестал грохотать и зашуршал по водорослям. Ударило в нос зловоние. Гранит поло́го, незаметно для глаз понижался, и трудно было понять, где же в точности проходит граница Саргассова болота. Поначалу под слоем водорослей, живых и гниющих, еще чувствовалось каменное ложе, и под ногами смачно лопались пупырчатые гроздья соплодий. Потом гранит перестал ощущаться, а еще через несколько десятков шагов ковер растительности начал колыхаться при каждом шаге. Под мокроступами зачавкало.

— Я ноги промочила, — сообщила Кристи. Помедлив, она добавила: — А эта жижица совсем не холодная.

— Мелкое, почти пресное окраинное море, — пояснил Эрвин. — Оно хорошо прогревается. Мелкое-то оно мелкое, но утонуть нам глубины хватит, так что держи шест как полагается.

— Поперек, что ли?

— Вот именно. Если ноги провалятся, постарайся лечь на него животом. Я тебя вытяну.

— Мы будем идти всю ночь?

— Да, если не будет явной опасности.

— А днем мы что будем делать?

— Тоже идти. Чем скорее, тем лучше.

— «Скорее»! Это с ящиком-то на буксире?

— Он не помешает. Погоди... Стой, говорю!

— Что случилось? — Кристи остановилась.

— Кажется, кто-то идет за нами...

И верно: ритмичное колыхание болота выдавало бредущего человека надежнее, чем медный лунный свет. Топоча мокроступами, как водоплавающая птица своими перепонками, Эрвин повернулся к берегу. Шест остался в левой руке — правая невзначай легла на рукоять ножа.

— Стой, — скомандовал Эрвин.

Если Лейла и была вооружена, то в глаза это не бросалось. Низкий голос с чувственной хрипотцой произнес:

— Можно мне пойти с вами?

Шеста при ней не было, мокроступов тоже.

— Нет, — отрезал Эрвин.

— Я не стану обузой, обещаю.

— А что же твой... работодатель? Не передумал?

— Матиас? Он остался, прячется. Там щель в граните... маленькая, на одного. Велел мне искать другое место, только нет там никаких других мест, да и ночь светлая — обязательно заметят. Или заложит кто-нибудь из тех... — Лейла кивнула через плечо в сторону берега. — Ну и пусть он отдохнет, если ему хочется, — продолжала она с ожесточением, — а я решила уйти. Так можно мне с вами?

— Я же сказал: нет. Возвращайся, просись к Юсту, он возьмет.

Ни спорить, ни умолять Лейла не стала — ожгла ненавидящим взглядом, круто повернулась, всколыхнув болотный ковер, и зашагала прочь, к берегу.

— У нас есть запасные мокроступы, — тихонько сказала Кристи.

— Которые нужны нам самим, — оборвал Эрвин. — Мы зря теряем время. Вперед.

— Между прочим... ты точно заметил, откуда вылез тот язык? — Кристи завертела головой.

— Не беспокойся, язычника мы оставляем справа. Если только он не переполз... Давай двигай. И в следующий раз выполняй команду сразу, без болтовни. Кстати, не топчись подолгу на одном месте — затынет.

— Даже в мокроступах?

— Не знаю. Но лучше не искушать судьбу.

В медном свете луны водорослевый ковер отсвечивал антрацитовым блеском. Лужи казались покрытыми ржавой пленкой. Смачно, жирно чавкали мокроступы. То и дело какие-то мелкие создания, панически попискивая, спешили убраться с дороги и затаиться, слившись с упругим ковром. Не то крошечные тритоны, не то головастики.

— Хоть раз признался, что чего-то не знаешь о болоте, — насмешливо проговорила Кристи, оглянувшись через плечо. — А то послушаешь тебя — прямо знаток...

— Что ты этим хочешь сказать?

— Признался — значит не безнадежен. Это комплимент.

— Я тронут... Между прочим, советую смотреть вперед. Да и под ноги тоже.

— Эти головастики опасны?

— Только если объешься ими. В них слабый токсин, но вообще-то они съедобны.

Крестину передернуло.

— Ты хочешь сказать, что нам придется ими питаться?

— И ими тоже... Стоп. Видишь впереди кочку?

— Да.

— Обойди-ка ее справа шагах в десяти.

Они обошли кочку. Ничего не случилось.

— Не поняла, — сказала Кристи. — По-моему, кочка как кочка. Комок водорослей.

— Возможно. Но экспериментировать мы будем днем, а не ночью. Пройди еще двадцать шагов и остановись.

— Зачем?

— Хочу взглянуть назад.

— На Юста и компанию?

— Ага.

Похоже, Эрвин в самом деле обладал незаурядным чутьем: выбранное им место казалось вполне надежным, и Кристина удержалась от язвительного замечания. Возможно, неглубоко под слоем спутанных, пропитанных болотной жижей водорослей пряталась каменистая мель.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫЧИСЛИТЕЛЬ	3
Глава 1. Изгнанники	4
Глава 2. Берег	10
Глава 3. Девять человек и ящик на веревке	19
Глава 4. Все еще девять	28
Глава 5. Восемь	38
Глава 6. Семь	46
Глава 7. Гнилая мель	56
Глава 8. Шесть плюс один	66
Глава 9. Четыре	75
Глава 10. Три	83
Глава 11. Два	89
Глава 12. Один	94
ЯЗЫЧНИК	101
Глава 1. Поперечно-полосатый	102
Глава 2. Дела давно минувших дней	110
Глава 3. Теорема Канна	119
Глава 4. Торговец	125
Глава 5. Воспитание	132
Глава 6. Спасайся кто может!	138
Глава 7. Двое и время	146
Глава 8. Трое и дрон	152
Глава 9. Непредвиденные обстоятельства	159
Глава 10. Брошенные	167
Глава 11. Дальше! Дальше!	176
Глава 12. Проглот	183
Глава 13. Бунт	192

Глава 14. Битва	198
Глава 15. Сковородка	206
Глава 16. Фиаско	215
Глава 17. Кому кота в мешке?	223
Глава 18. Своя игра	230
Глава 19. Симбионт	237
Глава 20. Заново	244
 ОРБИТА ДЛЯ ОДНОГО	 253

Часть первая

Глава 1. Тряпка	254
Глава 2. Медиум	262
Глава 3. Библеец	270
Глава 4. Набег	278
Глава 5. На мели	285
Глава 6. Муравьиная работа	294
Глава 7. Где найти еще муравьев?	303
Глава 8. Освобождение	313
Глава 9. По пеленгу	322
Глава 10. Визитер	330
Глава 11. Переговоры, которых не было	340
Глава 12. Вариант	348
Глава 13. Способ умереть весело	356
Глава 14. Педагогика Каина	364
Глава 15. Поединок	374
Глава 16. Прощай, Хлябь!	382

Часть вторая

Глава 1. Самая большая в мире шахта	394
Глава 2. «Гог», «Магог» и Стиг	402
Глава 3. Кадровая политика	412
Глава 4. Ошибка	420
Глава 5. Железная роза	431
Глава 6. Восстание	438
Глава 7. Придется постараться	447
Глава 8. Крысиный забег	457
Глава 9. Восемьдесят восемь угловых градусов	465

Глава 10. Вторжение	475
Глава 11. Маневр	485
Глава 12. Взрыв, которого не было	493
Глава 13. Ловушка для всех	501
Глава 14. Пат	511
Глава 15. Задача четырех тел	523
Глава 16. Последний час «Магога»	531
Эпилог	539
ДО ВСТРЕЧИ!	543
Глава 1. Станет теплее	544
Глава 2. Следствие	554
Глава 3. Беда близко	567
Глава 4. Везение как оно есть	578
Глава 5. Исход	588
Глава 6. Трещина	599
Глава 7. Бегом!	609
Глава 8. Нашествие	623
Глава 9. Ошибка в расчетах	635
Глава 10. Заместитель по общим вопросам	647